

18+

ВИКТОР МОТ

ЗАМЕТКИ
СМЕРТНОГО
НА РУСИ

1978-1999

издание пятое

Виктор Мот

**Заметки смертного на Руси.
1978—1999**

«Издательские решения»

Мот В.

Заметки смертного на Руси. 1978—1999 / В. Мот —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-567941-3

Эта скорбная исповедь, пожалуй, единственный в мировой литературе XX века опыт духовного откровения в афоризмах, где уникальное сочетание мемуарного и афористического жанров позволило предельно остро и лаконично выразить мысли героя эпохи потрясений и перемен в России, раскрыть бездонный мир его многострадальной таинственной души.

ISBN 978-5-00-567941-3

© Мот В.

© Издательские решения

Содержание

I	9
II	19
III	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Заметки смертного на Руси 1978—1999

Виктор Мот

Каждый человек – это мир, который с ним рождается и с ним умирает...
Г. Гейне

Послесловие доктора
филологических наук, профессора Е. Ю. Геймбух.

Редактор Ольга Алексеевна Булаева
Редактор Екатерина Александровна Белова
Корректор Ирина Григорьевна Дементьева
Корректор Валентина Корионова
Дизайнер обложки Вера Филатова

© Виктор Мот, 2024
© Вера Филатова, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0056-7941-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Портрет автора работы художника А. В. Лапшина конца 90-х гг. XX века

О жизни и смерти для твердых духом

#

*Наивны юности строчки,
но записаны сердцем.*

I

Места, где начиналась наша жизнь, для нас священны.

Сколько очарования таит любимая! И сколько милых сердцу мест у родины!

Родина наша и детство просты: ветхий дом, у забора полынь, запах стружки, усталые руки отца, в них баян... да песня о том, как раскинулось море!

Родина – это прежде всего народ! А потом уже мать и отец, отчий дом и березка... и небо над ними.

Родину, что оставил в детстве, лучше не посещай – там уже все не то... Но снится сон: я в родном краю и точно вижу, что все не то... но солнце в том же встает углу, и ветер тот же шумит в листве, и то же сердце стучит в груди!

Побывать на родине во сне ли, наяву ли есть лучшее для сердца наслаждение.

Это счастье – побывать на родине, на родимой улице, повстречаться с матерью, повидать любимую!

Мне снова снится сон: иду я по милой родине и сердце поет от счастья! А утром проснешься – и льются слезы.

Даже во сне, если видишь, как башни и трубы затмили черты милой родины, смотришь на них с проклятием.

Случится: ляжем мы, и выйдет – умирать... и знаю: запахнут с родины цветы, обнимет с лаской мать!

Светлы и возвышенны скорбь по ушедшим, грусть по любимой, тоска по родине.

Я, глупец, покидал свою родину, а родина тихо прощалась со мной, приговаривая: «Возвращайся...» Я же, беспутный, даже не оглянулся.

Хотя бы раз в году мы выглядим глупцами, слепцами, чудаками.

Всякому глупому человеку так и хочется показать свой ум.

Человек умен, если молча скрывает глупость, и очень умен, если скрывает ум.

Тяжело молчать до ночи, зато отрадно сознавать: во мне сегодня не проснутся ни шут, ни умник, ни глупец.

В тех, о ком сплетни черней, умные ищут друзей.

Только смертью своей огорчай друзей.

Недобрый друг опасней доброго врага.

Поливая цветы, чувствуешь себя добрым.

Ну почему недобрый человек не чувствует, что он недобр?!

Добрый вечно что-то упустит, что-то забудет... недобрый – ничего не упустит, ничего не забудет и каждому все припомнит.

Мило, когда человек – по приметам, казалось, подонок – совершит благородный поступок.

Наши добрые дела и благие поступки нам полезны не только при жизни, но и по смерти.

В хороших поступках не признавайтесь – и пусть каждый в каждом полагает чуткую душу и доброе сердце!

Если доброе сердце в груди, что б ни случилось, – люди и небо с тобой, если нет – ты для мира чужой.

Я в хрупкой груди стук честного сердца услышал: лишь слово неправды – и оно уже гулко гремит!

Почему так трудно, выйдя за порог, целый день до ночи оставаться честным?

У честных людей путь прямой: от совести – к правде, от правды – к борьбе, от сражений – к победе!

Иное поражение выше многих побед.

Поражение – это чудо из чудес! Привыкший к поражению может встать на борьбу с кем угодно, где угодно, когда угодно!

Больше всех чудес удивляли меня девушки хрупкие, нежные... с железной волей.

Смотри, как устроены эти девчонки: будут краснеть, усмехаться и дерзить на мои приставания, но не встанут, не выйдут вон!

С обаятельной девушкой забываешь на свете все, даже имя свое!

Встретишься с девушкой, о которой мечтал, и сразу – то чих нападет, то голос сядет, то птица на плащ нагадит.

Юная девушка думает, что все в нее влюблены, и любое ее появление говорит: «Смотрите, какое пришло сокровище!»

Для девушки, если ты не пришел на свидание, даже смерть твоя не сулит оправдания.

С красивой девушкой знакомиться лучше «случайно» – дескать, вот судьба свела, ничего не поделаешь.

Кажется, что очень красивые люди почти не влюбляются и живут спокойно, ровно, лишь позволяя любить себя.

Думается, что самые красивые – они и самые умные, самые честные и самые добрые люди.

Царица красоты – и сердца поэта хозяйка!

Если видишь неземной красоты человека, сразу кажется, что пришел он из светлого будущего и не место ему среди нас.

Видящий красоту есть человек.

Что такое красота лица, раз не видно на нем, как счастлива женщина с милым?

Это святая способность – видеть внутреннюю красоту человека.

Вглядываясь в прекрасного человека, мы рассматриваем и свои недостатки.

Когда я упорно не замечал красавицы, она возмущалась этим, потом дивилась, затем грустила... а после ухаживала за мною с нежностью!

Есть горькая в этом отрада: красавицу, что недоступна, но которую страстно любишь, послать в сердцах ко всем чертям!

Когда я смотрю на красавицу, то, дабы навек не влюбиться думаю, что и она храпит, сморкается... и уже с опаской иду от нее подальше.

Жалок влюбленный перед любимой: речь пропадает, пот прошибает, в краску бросает.

Не растеряться б перед любимой... и лишь начнешь заикаться от счастья – считай, все пропало.

Счастье, коль судьба улыбнется, но беда, если вдруг посмеется.

Только настроишь планов, мечтая, как будешь собой гордиться, судьба уже приговаривает: «Не будешь гордиться, но будешь лежать в канаве и ныть от боли».

Когда в сопернике, с которым ушла любимая, мы видим парад достоинств, зависть к нему удручает нас, когда видим ничтожество – проклинаем судьбу.

Не кляни судьбу, но радуйся, что не сидишь в тюрьме, не лежишь в гробу, а занимаешься делом, с которым пока не везет.

Кто-то клянет сегодня время, кто-то же вспомнит его как лучшую пору жизни.

Вы, люди, на колесах сберегаете время жизни, а я продлеваю его пешком.

Все излишества строго заносятся нам на счета и однажды вычтутся из времени нашей жизни.

Безмолвием гробов встречает время своих гениев.

Богатое воображение делает человека умным, очень богатое – гением или дураком.

Все гениально простое дурак принимает за примитивно ничтожное.

В минуты вдохновенья нам словно боги шепчут свыше, и мы записывать за ними еле успеваем!

Вдохновение душит: попадись лишь перо да бумага – и легче дышать!

Что это за рай, в котором нет ни вдохновенья, ни любви, ни дружбы?.. Кому он нужен?

Пока порывы вдохновения в крови, мне мои невзгоды нестрашны.

Невзгоды спорят меж собою, как ярче сделать нашу жизнь.

Лишь услышишь спор – подходи поближе и учись молчать.

Молчать – благородно, помалкивать – подло.

«В начале было Слово...», но еще ранее – молчание.

Умного человека понимаешь с первого слова, любимую – с первого взгляда.

Наверное, я ненормальный, коль ни взглядом, ни слухом, но сердцем знаю – идет любимый человек!

Даже в зале, полном людей, чувствуешь: любимая рядом – и, оглянувшись, ловишь долгий и нежный взгляд!

Каждый жест, каждый взгляд любимой разбираем мы по частичкам и строим из них сотни выводов.

Один нескромный взгляд – и женщина тебя отыщет. «Это ты так жадно смотрел? – спросят ее глаза. – Ну что ж, я пришла, делай же что-нибудь!»

Я любимую тайно преследую, а заметит она – сразу нос ворочу: что вы, дескать, ко мне пристали? Вот наказание!

Полюбишь – и сразу скрываешь любовь от себя, от людей, но больше всего от предмета своей любви.

Если любимая идет с другим и видит твою улыбку, то даже судьба начинает «хромать», «запинаться»... и просто не знает, как с тобой быть.

Может, и к лучшему, что моя любимая – не моя и ушла с другим: я скорблю, страдаю... и пишу стихи!

Там, где жила любимая, в воздухе носится стих!

Весна! Опять мы в рощу: кто – гулять, кто – за цветами... а я – за первыми стихами.

Когда за каждой рифмой слышно, как в муках стонет ум, – оставь, поэт, поэзию в покое.

Поэтов больше, чем стихов.

Лучший стих, как бутон, набухая, распустится в яркий, солнечный день!

Стихи под солнцем расцветают, а мысли тонкие в туманах тают.

Мысли тоже должны быть с душою.

В иной прозаической мысли поэзии больше, чем в ста стихотворениях.

Как романтиками мы родились, так романтиками умрем, и никакая проза жизни нас не изменит.

Мы по жизни идем, а наши грехи, как круги на воде, от нас идут во все стороны.

Я праведно прожил сегодняшний день – никого не убил, не замучил: ни мухи, ни комара...

Наступающим днем дорожи: ведь он у тебя такой единственный и всегда последний.

Когда не везет – не сердись, проклиная день, но радуйся, что судьба прибавляет его к сроку жизни.

День прошел, а ты добра не сделал... Что ж, скажи себе спасибо, что зла не натворил.

Добро и радость строишь своими руками, зло же придет само – стоит лишь ошибиться.

У злого нет сил обнаруживать радость – они разошлись на проклятья и стоны.

Порой труднее в чем-то отказать иному добряку, чем возразить злодею.

И для злодеев светит солнце, и для врагов цветут цветы и расппевают соловьи.

Как удивительно быстро заводятся в жизни враги!

Враги чистосердечны: они от всей души желают нам несчастий и гордо носят в сердце зло.

Улыбки врагов напитаны ядом.

Достоинства наших врагов противнее нам, чем сами враги.

Наш враг – самый внимательный к нам человек.

Иные враги о тебе знают больше, чем ты сам о себе.

Наши худшие враги – меж собою лучшие друзья.

Стоишь перед дерзким врагом и знаешь: не дрогнут ни веко, ни мускул, а бедное сердце шумит и грохочет!

Пусть дерзок мой враг и мне не по силам, но могу же я его не бояться!

Похвала врага ценится дороже.

Если чувствую: станут расхваливать, говорю себе: «Пшел вон!»

Все же приятно, когда о тебе вспоминают, пусть даже враги.

Врагов мы ненавидим, а свою ненависть лелеем.

Ненависть к злу – доброе чувство.

Ненавидя злого, завидуешь свободе зла.

Все пройдет: и обиды, и зло; ты же, вспомнив о них, посмеешься.

Предки сделали все, чтобы ты появился на свет и, радуясь жизни, ценил бы ее, – ты же ходишь, повесив нос.

Даже ангелы смотрят на нас недовольно, если видят, как мы ходим согнувшись, не радуясь солнцу.

Кто неба не видит, не слышит птиц и солнцу не рад, того не любит природа.

Унылые люди готовы встречать всюду горе, о счастье и радости даже не вспомнят.

Унылый человек как отстающий школьник, не совладавший с задачкой жизни.

Любовь к жизни поджидает на берегу, когда ты взбодренный и обновленный, выходишь из ледяной воды!

Столь часто в жизни «носишься по краю», «висишь на волоске», что впору радоваться доле и кланяться судьбе.

Есть в жизни минуты, когда мы сами правим судьбой и говорим року: «Поди-ка прочь!»

Храбрость и могучему року даст пинка!

Храбрый заяц – существо очень милое, достойное удивления и величайшего восхищения!

Кролик – это всего лишь интеллигентный заяц.

Безумную храбрость порой вызывает безудержный страх.

Храбрость без справедливости лишь жалкая дерзость.

Пусть ближе матери станет нам справедливость!

Каждый страдающий за справедливость, страдает за человечество.

Недобрый о справедливости словно не подозревает, зато несправедливостью к себе взбешен, как самый чуткий из людей.

И прожженный хитрец считает себя справедливым и добрейшей души человеком.

Противен добрый, не чувствующий справедливости.

Пусть в твоём доме и теле твоём и даже в твоей крови живет справедливость!

Мы с телом своим спешим наслаждаться – оно же дано нам, чтоб и бедам давать отпор.

С телом нужно дружить – с ним мы встретим удары судьбы, стерпим горе и примем смерть.

Стряслось такое горе! На меня обиделся любимый человек.

Прощая обидчика, ты благороден, но, если рядом с тобою любимая, ты для нее жалкий трус.

У любимой прощенья просить – что в любви признаваться!

Чего греха таить: приятно знать, как мучится, тоскуя о нас, любимый человек!

Зоркий глаз любимой следит за тобой и видит все, о чем ты думаешь.

Моя любимая, моя хорошая! Засмотрелась на парня, споткнулась, ушиблась... Так ей и надо!

Если смотришь в красивые девичьи очи, на душе начинается праздник!

Красивую деву боишься спугнуть и молишься только: «Ничего от тебя не надо, будь только рядом».

Велико обаяние девы-мечты, и непросто с ней рядом пройти, не споткнувшись.

Порой заглядишься на деву, после забудешь о ней. «Э-э, нет, так мы не договаривались», – скажут ее глаза.

И слова, и поступки дев, говоря нам «нет», не сулят ничего, а глаза, призывая, обещают все!

Ну и синь у женских глаз! Взглянешь издали – озера, ближе взглянешь – уж моря!

Когда глядишь на небо и звезды, видишь саму бесконечность и ощущаешь вечность.

Небо и звезды для всех одни, но красота их для каждого своя.

Откуда мы и для чего? Что есть любовь и смерть? И где живет душа? И что там, в пыльных далях синих звезд?

Даже пустой человеческий череп наводит на мысль, что мы не от мира сего.

Человек есть сложнейшее в мире устройство, которое может испытывать счастье!

Только спросят, каким представляю я счастье, – образ любимой уж тут как тут!

Нам каждый цветок намекает на счастье!

Свет из окон любимой излучает тепло, дарит нежность... Можно часами стоять под ними и замирать от счастья!

Мы почти счастливы, если мечта превратится в надежду.

Все же счастье – не то, когда сбылись мечты, а то, чего не ждал, о чем и не мечтал!

Если уходит любимая, то даже долгожданное счастье в этот день неприлично и ни к чему.

Восхищать своих любимых – в этом смысл и счастье жизни!

Это счастье – видеть, как благодаря тебе счастлив человек!

Почему-то кажется, что в теплый майский вечер земля покрывается счастьем!

Есть три слова на свете, от которых всегда веет счастьем: родина, детство, любовь!

И я был счастлив, поймав однажды твою улыбку, но улыбнулась ты незнакомцу, что шел за мной.

Больно видеть, как любимая душу свою отдает другому.

Она любит его, он – другую, а другая грустит не о нем.

Желая любимой счастья, мыслишь счастье ее вдвоем с тобой, но, если видишь ее с другим, тоже желаешь счастья, а сам скорбишь по нем, как у могилы матери.

Когда изменяет любимая, нужно ее забыть, но душа не выносит пут и теперь вспоминает о ней постоянно.

У влюбленного, если он понял, что о нем забывают, остается одно утешение – заявить о разрыве первым.

Коль устал от великих бед – не влюбляйся!

Любимая мне отомстила – мне больно, но, если ей легче, я рад!

Хорошо ль тебе с ним, я не знаю, но тем, что теперь я страдаю, ты очень довольна.

Когда я шел по тем местам, где ты ходила, мне было хорошо!

Любимая идет – и не поймешь, где солнце!

Если любимая в назначенный срок не пришла, мы величаем ее Судьбой!

Когда мы берем любимую на руки и переносим через ручей, она испытывает духовное наслаждение.

Любовь должна быть творческой, а творчество должно вдохновляться любовью.

Как заразительна любовь! Стоит лишь раз-другой заглядеться в чьи-то глаза – и вот уже все начинается: мысли, думы, мечты...

Любовь – сумасшедший дом, а его пациенты помешаны на прекрасном и чувствуют себя прекрасно!

Во всем нужна мера, и только любовь презирает ее.

Живет на свете чудо – взаимная любовь!

Кто ждет и верит в любовь, тот Бог в облаках! Кто свое отлюбил, тот живет на земле.

Ты от любви родился, любовью жил, с любовью в сердце умирай!

Даже легкие чарующие переживания любви оставляют в душе глубокий, неизгладимый след.

Мечтою о любви напрасной ты, жизнь, уже прекрасна!

Кто не мечтает о любви, тот по хозяйству хлопотать рожден.

Каким бы важным делом мы ни занимались, самое важное – любить человека.

Любить человека – это самозабвенно и неустанно, ежедневно и ежечасно превращать его в Бога!

Любить, как все, я не умел и не стремился, зато на славу удавалась мне любовь неразделенная, глубоко несчастная!

Где-то меж горем и счастьем безответная бродит любовь.

Когда в борьбе с любовным помрачением наш разум сразу побеждает, глупость нас одолевает.

Разум мне шепчет: «Куда же ты рвешься?» А сердце кричит: «Трогай, давай!»

1978

*И вдохновеньем на Руси
нас окрыляет горе.*

II

Ты родился! И тебе выпало счастье – испытать боль и радости бытия.

Из тысячи жизней былинки и тварей Бог подарил тебе жизнь Человека! А ты с горя клянешь ее за то, что продулся в карты.

Будь рад сегодняшнему горю: вдруг завтрашнее станет нестерпимым.

Радость показывай, о горе не сказывай.

Порой солнце палит и дождь поливает, так и сердце – в горе живет и радость встречает.

Радуюсь счастливому мгновению, мы уже горюем, что оно уйдет.

С горечью видишь, как с возрастом тает способность по всякому поводу чувствовать радость.

Горше всех горьких чувств – презренье к себе.

Кто рад чужому горю – готовься к своему.

Хоть мы и сочувствуем горю, но в душе нет-нет да появится радость, что оно не с нами стряслось.

Лишь случится горе, я вспоминаю свои грехи и говорю себе, что его достоин.

Когда мы ждем беду, встречаем горе, терпим боль, мы глубже ощущаем бытие.

Горя не ждешь – оно скрутит внезапно, а начни его ждать, и вся жизнь – само горе.

Если горюешь о чем-то – завтра о том горевать будешь меньше.

Новое горе затмит наболевшее.

Есть горячий, есть практичный, а есть горемычный – русский народ.

И вдохновеньем на Руси нас окрыляет горе.

Кому-то же надо исследовать горе... и я, собираясь с духом, решил пригласить его к сердцу.

Чья-то глупая голова ногам покоя не дает, а моя над сердцем издевается.

Всякому человеку отпускается срок на глупости, и если его не хватило, тот человек глуп.

Почти в каждом из нас есть профессор собственных глупостей, и не дай Бог в чем-нибудь кому-нибудь его поправить!

У меня своя глупость, у тебя – своя, и оттого друг друга не поймем, а не потому, что ты глупец, а я умен.

Глупости тоже разные: есть простые, а есть заразные.

Наша глупость простирается на куда большее расстояние, чем мы думаем.

Лишь на Руси можно, возмущаясь глупости, грубости, чванству, тут же дивиться уму самобытному, сердцу добрейшему, нраву скромнейшему.

Мудрый смотрит в себя глубоко и видит часто такое, за что уважать себя просто смешно.

Мудрый с первого взгляда видит мои недостатки, пороки – все мое прошлое, даже будущее.

Дружна мудрость с совестью.

От людей с ранимой совестью веет свежестью и трезвостью.

Это страсти пó столу стучат кулаком – совесть шепчет тихо на ухо.

Совесть вещает тихо и ненавязчиво: дескать, хотите – слушайте, хотите – нет... Мое дело – высказаться.

Никогда ни о чем не высказывайся, и тогда, если будет о чем-то сказать, все всё бросят и станут слушать тебя внимательно.

К истине ведет не столько острый ум, сколько совесть.

Остроумие поверхностно, и сразу видно: работал ум, душа ему не помогала.

Мы ум свой, как нужно, не применяем; воли, где надо, не проявляем; о чести своей даже не вспоминаем.

Какой там ум! Последнее, что имеешь, – живость воображения да твердую память, – с годами теряешь навеки.

Давно молчат и ум, и сердце, а язык старается, надрывается!

Не за велеречивым и умным – за молчаливым главное слово.

С пронизательностью гения замечает глупый промах умного.

«Глупости не показываю», – гласит молчащий.

По виду молчащего не поймешь, что за ним кроется: то ли дар гения, то ли ничтожество.

Молчанию учись у покойника.

На кладбище предки молчат, а ты здесь молчи!

Молчи! Ведь что бы такого умного ты ни сказал – для кого-то это лишь глупость.

Для тех, кто умнее тебя, твои речи пусты, для тех, кто глупее, ты сам непонятен и глуп.

Чем старше муж, тем речь его короче, но девушки скромно молчат, женщины спорят долго... старухи ж трещат обо всем без умолку.

Кто раньше собеседника умолк, тот в споре держит тон, в беседах знает толк и... кажется добрее.

К добрым людям я почему-то реже добр, чем к злым.

Как много людей стыдятся своей доброты и, считая ее слабоволием, презирают себя.

Происки злого – реакция зла на явное присутствие доброты.

Доброты у нас – до первого конфликта, а злости у злого хватит на век.

Не по доброте души добр – по слабости добрым кажешься.

Слабость доброго в том, что он боится показаться недобрым.

Когда мы о чем-то кого-то просим, в этот миг мы добры и святость струится из нас.

Заискиваешь перед людьми, но ты же, как все, умрешь, и никто тебе в том не защитник, а просить о чем-то еще – сущее унижение.

Слышно, как, гневаясь, шепчутся в небе боги и осуждают тех, кто отказал ребенку в своей защите.

Добрые люди тоже умеют гневаться, злиться, браниться и бредить возмездием.

Откройся грехи и пороки доброго человека – и, быть может, мы назовем его зверем.

Есть люди, что кичатся своими пороками, гордятся ничтожеством.

Мы жалеем собак, говоря, что они как люди, и ругаем людей, что злы как собаки.

Люди друг дружку порою облаивают, а их собаки молчат.

Добрые не знают, что они не злы, злые полагают, что они добры.

Теща, мачеха, золовка – символы недоброго в народе.

Лишь начнешь осуждать всюду злых, сразу видишь: и сам ты недобр.

И я, как любой другой, вношу в этот мир свою долю зла.

Добрые и злые – все мы бестии лихие.

От добра «с кулаками» до зла – один шаг.

Всех зол не распознать, что прячутся в добре.

Порою добро наберется сил – и обернется злом.

Еслиловишь тяжелый, по-волчьи холодный взгляд, сразу чувствуешь: у зла – огромная сила.

Зло – не только сила, но и козни изощренного ума.

Противопоставлять силу силе нужно, на зло же злом отвечать – неэтично и пошло.

Даже зло и неправда живут по своим законам и строго ходят своим путем.

Если добро всегда побеждает, значит, зло никогда не сдается.

Тонким философом нужно быть, чтобы под видом зла утверждать добро.

Под видом добра, красоты и ласки природа порою скрывает великое зло.

Под маской справедливости скрывают люди в сердце зло.

Кляня несправедливость, бываешь злее тех, кто в ней повинен.

Для многих и справедливость – лютое зло.

Церковь не любит клеймящих несправедливость, плуты их сторонятся, родичи ненавидят, власть от них избавляется.

Если б око – за око, зуб – за зуб, так нет: за око – два, за зуб – челюсть... Где уж тут справедливость?!

Фанатик справедливости походит на тирана, внимающего добродетели.

Хуже несправедливого кажется тот, кто поступил справедливо, но не в угоду нам.

Нам так хочется, чтобы все было по справедливости, то есть по-нашему.

Несправедливость у нас порой проникает в суды и конторы, казармы и тюрьмы... но чаще всего – кабинеты.

Кабинет – это ловко устроенное, очень удобное место для наслаждения властью.

И я наслаждался властью: отдавал себе приказания и следил за их исполнением.

Стремление к наслаждению властью порою сильнее ее возможной необходимости.

Мечта бюрократа – взять власть над тем, кто им повелевал.

Какой бюрократ не бредит своим могуществом?

Все бюрократы думают: коль власть от Бога, то сами они – боги!

Для бюрократа потерять власть – это такое горе, при котором можно потерять разум.

Портфель, бумажка, кабинет и слово «нет» – святыни бюрократа.

Как изощренно-изысканно издевается порою бюрократ над человеком!

Самые изощренные бюрократы встречают нас ласковым словом, приветливым взглядом и выражением величайшего добродушия на лице.

Бюрократы так ласково тебе отказывают, что чувствуешь себя при этом хамом!

Если бюрократ ни в чем не отказал, сразу кажется, будто он ошибся.

Когда бюрократ всем хамит и отказывает, он, видимо, думает, что проявляет свои волевые качества.

Культурному человеку стыдно даже намекнуть на хамство хаму.

Возмущаясь хамством бюрократов, мы просим у них прощения за беспокойство.

Все бюрократы возмущаются бюрократами других ведомств.

Коль идешь мимо ведомств – на сердце нехорошо.

Бюрократы отнимают у нас главное – достоинство и время.

Это нелегко, поступившись собственным достоинством, не ответить злом на зло.

Паршивый гусь, а сколько важности и достоинства! И где все это во мне, его погоняющем?

Человечество все достойное часто топчет; раздавит – потом славит.

Если я вижу: недобр человек, хоть и полон достоинств, сторонюсь его.

Жестокость человека обличает злого, но в жестокости человечества участвуют и добрейшие люди.

Принципиальностью прикидывается жестокость.

Когда иной из чиновников держит бумажку в руках, то грубость его – закон, жестокость – благое дело, а черствость – священный долг.

Если хочешь узнать жестокость человечества – походи в свою контору и попроси о чем-нибудь.

Кто долго страдал и мучился, тот, быть может, напишет скорбную, печальную повесть о человечестве.

Легко любить человечество, но конкретных людей полюбить, с их пороками, неприязнью к нам, – ох как трудно!

Любить людей – значит сносить их сплетни, козни, зло... а взамен дарить им свою любовь.

Чтобы любить людей, нужно уйти далеко в горы, забраться на самую высокую из них и уже оттуда начинать любить.

Дальних можно любить, а от ближнего тянет держаться подальше.

Следует помнить, что многие из людей оказываются лучше, чем они представляются.

Лишь напьемся пьян – и все люди вокруг становятся близкими, а их голоса – отдаленными.

Как напьемся пьян, так и хочется всех любить: кого обнять, кого задобрить, отдать за кого-то жизнь или... дать кому-то по морде!

Иной человек так часто пьет за здоровье, что в конце концов разрушает его.

На Руси один от грехов своих болен, другой – от трудов.

Так повелось на Руси: в трудах надрываться или на полях ее бранных костями ложиться.

Исключительным злом на Руси всегда было чудовищное пренебрежение к человеку труда.

Сотни мошенников вцепляются в заработанный честно рубль.

Честность и бедность – родные сестры, а тяжкий удел – им родимый брат.

Мне злая доля честного милее всей удачной жизни хитреца.

Вина заморские, яства безвестные... а русскому мужичку уж который век горьким луком разжиться бы, серым хлебушком запастись.

Россия и хлеб – понятия неразделимые.

На земле очень многие живут впроголодь, но по горло сыты несправедливостью.

Почему-то все скромное, бедное, даже убогое так дорого сердцу!

Внутреннее богатство русского человека – от сердца, внешнее – от экономии на желудке.

На Западе люди богатством кичатся – русский бедностью горд.

Богатые даже не подозревают о духовном богатстве бедности, о скромном ее обаянии.

Я ценю свою бедность и ни за какие деньги ее не отдам.

Ценить материальное нужно в той мере, в какой оно позволяет заниматься духовным.

Жены ценят богатство, роскошь, уют... и хотят, чтобы все у них было лучше, чем у других.

Любят жены пустякам придавать значение.

Жены любят делать добро, но зло у них получается лучше.

Красиво оформленным злом называют философы жен.

Кто-то с женами вечно собачится, кто-то с псом своим век коротает.

К чужим женам тянет – за уши себя отгаскивай или за хвост удерживай.

Замахнешься на большее – на чужую жену, нечистые деньги, – поджидай несчастий.

Лучше тигра за хвост удерживать, чем на свою жену теще жаловаться.

Любят жены «заняться любовью», но еще больше любят, чтобы их об этом упрашивали.

Где живет, чем занята любимая? – в этом заключалась для меня величайшая из тайн.

Мы даже не подозреваем, к какой причастны тайне, видя во сне человека, отвечающего нам на вопрос!

Ясности требует ум – тайной пленяется сердце.

И ревность, и сумасшествие начинаются с подозрений.

Когда нас гложет ревность, мы грезим об одном – какую кару отыскать любимому и самому родному существу на свете.

Ревность охватит – и мудрость бессильна и жметса в сторонку, скрываясь от нас.

Завоевание ревности в том, что мы сами, своими руками губим в сердце любовь.

Истинная любовь не терпит ревности: ей безразлично, с кем любимый, кого он любит, – ей важно то, что он живет на свете!

В приступе ревности мы ругаем судьбу, ненавидим любимых и жаждем обрушить мир или же уйти из него навеки.

Смотреть на мир свысока и по-философски презирать окружающее учись у kota.

Если на краю отворенной форточки видишь взирающего на мир kota, поневоле думаешь: как сильна эта чертова философия!

Под дремлющим взглядом kota все мысли о величии человека кажутся подозрительными.

Kot притворяется, будто дремлет, а сам в это время усиленно мыслит.

Дремлющие коты словно созданы поглощать в доме время.

Без kota полноценной семьи не бывает.

За куриную лапку и место на вашей подушке кот отдаст вам всю свою душу!

Эти коты – великие любители пожить в свое удовольствие.

По сути своей коты деликатные, очень опрятные... и культурные люди!

Это псу, чтобы снискать благосклонность, нужно вилять хвостом, а коту достаточно быть пушистым.

Как грациозно несут коты свои пушистые хвосты!

Разве кот с пушистым хвостом – не прожженный маг и отъявленный чародей?!

Коты не любят, когда пристают к ним без цели, без повода и без письменного на то разрешения.

Если вы надоели коту, он примет вид, что вы для него – ничтожнейшее существо, которое даже в мыслях не смеет к нему приближаться.

На свете есть лишь одно животное, способное послать нас к черту, – это кот, которому мы надоели.

Когда говорят, что у животных нет мимики, сразу мерещится недовольная рожа kota.

Эти коты вечно чем-то в нас недовольны: то нашей к ним фамильярностью, то дружбой с собаками, то нерасторопностью в ловле мышей...

Трусишки и плуты эти коты, но смотрят на всех, словно львы.

Есть львы, и есть светские львы – коты.

Что значит какой-то лев перед котом, развалившимся в министерском кресле?!

Эти коты так любят представляться то советниками премьера, то помощниками министра, то прокурора...

Конечно, к котам обращаться лучше на «вы» и величать их по имени-отчеству.

Коты суеверны: если коту перейдешь дорогу, то он потом долго стоит на ней, потрясенный этим ужасным хамством.

Все коты озабочены только одним – где и как перейти нам дорогу.

Козлами кличут арестанты котов, дерзнувших перейти им дорогу.

Когда коту выговариваешь за его наглость, он делает вид, что совершенно ничего не понимает.

Порою глядишь: человек еще молод, а наглость его стара.

Если плохой человек относится ко мне по-братски, мое настроение портится.

Судьба свела тебя с плохим человеком, чтобы ты сам стал лучше.

Иной человек идет, а недобрая сущность его вперед забегает.

Страшно, когда ни Бог, ни люди, ни судьба не спасают доброго.

Большое несчастье – гибель доброго человека, а гибель любимых вовсе невыносима.

Каждый думает, что его несчастья самые большие.

Нашим невзгодам чужое несчастье кажется пустяком.

Когда стряслось несчастье, на мгновение кажется – оно случилось не с тобой, а с кем-то посторонним.

Несчастье стрясется, представь: сколько б еще их стряслось, но тебя миновало!

Я рад своим несчастьям, а то чужие могут быть не по плечу.

Мы все коллекционеры: храним и копим, умножая, несчастья нашей жизни.

Несчастьем не терзайся – новые нагрянут, и о нем забудешь.

Хуже всего – поджидать, сложа руки, несчастье.

Сегодня несчастья забыли меня – им тоже нужно вздохнуть и набраться сил.

Когда свое несчастье порой сравнишь с чужим – сочтешь себя счастливым.

Счастье бредет одиноко, беды мчатся гурьбой.

Сначала мы требуем счастья, затем – жалких благ... теперь хотим одного: чтобы беды шли по порядку, а не ломились в душу со всех сторон.

Никому ничего не обещавай, ни с кого ничего не требуй!

Может, и лучше, что беды разом приходят, а то каждой беде «стол накрывай», новый прием оказывай.

По ночам беды грозными кажутся, а утром они бледнеют, побаиваясь нас.

Думы о счастье приходят под утро, с лучом восходящего солнца, с криком стрижа за окном.

Мы каждый день как будто вновь рождаемся на свет и получаем жизнь! Но вот глядим на это счастье мрачными очами.

Если хмуришься, вечно всего опасаясь, то и счастье тебя опасается.

Пора учиться чувствовать себя счастливым и даже в этом упражняться.

Встречаем ли утро на море, сидим ли в лесу у костра, к любимой ли мчимся – мы чувствуем радости жизни!

Чем дольше живешь, тем ясней постигаешь картину ужасной и вечно прекрасной жизни.

Не всякая жизнь – долгий путь, и даже за первым углом нам могут сказать: «Вот и пришли».

Ничего-то я в жизни еще не успел... а смерть, может, рядом.

И я, как старушки, начал сутулиться, думать о смерти, славить покойников.

Сутулость молодого человека говорит, что у него осталось мало сил для жизни.

Я так изменился от дум и весь сгорбился, что старушки при встрече приветствуют первыми.

Оттого и сутулюсь, весь сжавшись, что боюсь растрясти, растерять свои сокровенные мысли.

Добрые мысли приходят от боли в душе за недобрую жизнь.

Есть люди, среди которых забудешь все добрые мысли.

Как воры, пробрались в душу заботы и выкрали важные мысли.

Важные мысли просты – мысли, по которым можно выстраивать жизнь.

Не самые важные мысли летят на бумагу, а те, что лучше звучат.

Из сердца приходят все лучшие мысли.

Скука захватит – думаешь: сгинуть бы; сердце прихватит – думаешь: не умереть бы, черт возьми!

Высмеять стих поэта – что по сердцу хватить топором.

В зрелости видишь: стихи – удел юности, и перо уж не мчится, и душа не стремится складывать строфы.

Юный гений вдохновенен, но летит мимо тонкостей, что своим спокойным взором отмечает зрелый ум.

Когда мы любим чей-то облик, мы любим тело, когда влюбляемся в стих или песню – мы любим душу.

Я еще помню то старое доброе время, когда люди ходили в обнимку и распевали песни!

Мелодия песен так меня поражала, что в смысл слов их я вникал только годы спустя.

Если кто-то поет, я могу на него положиться, дать займы и доверить ему свою жизнь.

Помню первую песню матери: «Вот умру я, умру... и никто не узнает, где могилка моя!..»
Еще ничего не смысля, я чувствовал страшное горе и стоял словно вкопанный... И слезы лились у меня в три ручья.

Есть песни, от которых стонет душа, стынет кровь... и с болью сжимается сердце!

1981

Только лучшие в мире встречайте печали...

III

Пробудившись, скажи: «Время жизни пошло».

Мы еще спим, а несчастья уже просыпаются, собираясь к нам в гости.

Как в страшном сне, очнувшись в несчастье, гадаешь: или случилось оно, или только слышал о нем.

Несчастье сравнимо с ядом змеи: ринувшись в душу, оно поражает разум, затем волю и, распolzаясь по телу, сковывает наши члены.

У несчастья и счастья есть общее свойство – внезапность.

Более всего я был несчастлив, когда не исполнял свой долг.

Наш удел – терпеть несчастья, а меж ними славить небо.

Живем мы в несчастьях и, если случится счастье, глядим на него, не зная: что делать? как быть?

Когда везде встречаешь счастье, становится неловко, даже страшно.

Бывает, счастье следом увяжется, а мы бежим от него не оглядываясь.

Убегать от собственного счастья лучше всех умеют люди скромные.

Тех, кто старше нас хотя бы на десять лет, мы считаем уже стариками и людьми недостойными счастья.

Счастье – в детстве, где яркие краски, где синее море сливается с небом!

Как мало в детстве нужно было для счастья: лишь в окно залетала бабочка – и сердце скакало от радости!

Мы в детстве мудры, ибо любим безумно жизнь, жалеем любую тварь и рады простой козявке!

В детстве мы даже не подозревали, что были счастливы, когда ласкали собак и мчались по лужам!

В детстве мы были лучше, всем улыбаясь: и добрым, и злым... Теперь же глядим подозрительно: кто есть кто?

Там, в добром детстве, жизнь нас любила, чистых и честных, – теперь же лишь терпит.

Мнится, вернешься на родину – и снова окажешься юным и станешь так же, как в детстве, радостно чувствовать жизнь.

Ступив на родную землю, мы к старым прильнем деревьям в надежде, что те еще помнят нас и наше детство!

Лишь услышу с родины весть, сразу чую: там мои корни – мои детство и юность, моя жизнь и мой дух, а здесь – оболочка, погрязшая в пустяках.

Дорога́ сердцу скупая весточка.

То, чему значения не придавал в далеком детстве, теперь всего дороже.

Дорог с родины человек: глядишь на него и поверить не можешь, что он своими глазами видел твой отчий дом и небо над ним!

С далекой родины и враг – нам гость желанный!

Из детства дорого все: и цветы, и слезы, и ремень, которым стегал отец.

И помойки детства нам дбóрги – на них мы находили удивительные вещи!

Не все месяцы одинаково хороши, но в далеком детстве и январь был дорог, и февраль, и сырой ноябрь.

Есть у неба и хмурые дни, чтобы ты погрустил, попечалился.

Худые дни подступят – мы о добрых буднях молимся; серые будни тянутся – клянем их на чем свет стоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.